КОНЦЕРТНЫЙ ДНЕВНИК

ЮВЕЛИРНОЕ МАСТЕРСТВО

ПРИМЕНИТЕЛЬНО к творчеству Ивана Семеновича Козловского это изрядно стертое от бесчисленных повторений выражение обретает первозданную яркость и силу. Состоявшийся 5 апреля в Большом театре творческий вечер замечательного советского певца еще раз убедил в том, что его мастерство ювелирно в самом полном и точном смысле слова. Какие компоненты в нем хотелось бы подчеркнуть?

Что касается владения выразительными красками голоса, то самое поразительное у Козловского, пожалуй, беспредельное многообразие динамических нюансов. Святослав Рихтер сыграл как-то Четвертую балладу Шопена, «уместив» между меццо-пиано и меццо-форте едва ли не два десятка различных нюансов звучностей. У Козловского их еще больше, поскольку человеческий голос в руках подлинного мастера вокала — всегда внеконкурентно-богатый по возможностям «музыкальный инструмент». В партии Юродивого из «Бориса Годунова» (в программе вечера была сцена «У Василия Блаженного») он доказал, что сфера пиано и пианиссимо содержит множество, если так можно сказать, «нюансовых полутонов».

И это отнюдь не щеголяние вокальной техникой! Первый раз мне довелось услышать Ивана Семеновича в партии Юродивого около двадцати лет назад на генеральной репетиции великолепной последней голововской постановки «Бориса». Козловский тогда буквально ошеломил какой-то удивительно мудрой простотой исполнения. Сейчас это качество еще более усилилось. Кажется, что Юродивый Козловского—сама совесть народная. И потому каждое слово его так проникновенно, так весомо и потрясает буквально до глубины души.

Я невольно соскользнул к другому компоненту мастерства великого певца — музыкально-речевой фразировке. Как она поразительна у Козловского! Его дикция по совершенству своему приближается к шаляпинской (конечно, «перетранспонированной» в гембральную сферу лирического тенора и в иную, но также ярчайшую индивидуальность). Здесь перед нами та же абсолютная слиянность речевой и вокальной интонации, то же проникновение в драматический смысл фразы, то же умение делать трагедийные кульминации на пианиссимо...

Сейчас, в пору упадка мастерства дикции у многих молодых певцов, пример Козловского в данном аспекте вдвойне поучителен. Вдвойне поучителен он и в плане чисто актерского мастерства. За последние годы многие оперные режиссеры, стремясь «расшевелить» певцов, придать правдивость и выразительность их актерской игре, ставят перед ними немало чисто игровых актерских задач. Нередко при этом получается диссонирующее наслаивание натуралистически-бытовых деталей на музыкальную ткань. Актерский сценический почерк Козловского решительно чужд этому. Почерк этот отличается немногословием. Козловский может по пять-десять минут во время пауз в своей партии неподвижно стоять в скульптурно-пластической позе. Но эмоциональная наполненность ее при этом неизменно будет такова, что внимание зрителя будет неотрывно приковано к нему.

Особенно ярко качество это раскрылось в рецензируемом вечере во время исполнения третьего акта «Лоэнгрина», где ювелирная отточенность мастерства певца блистала и в сцене с Эльзой, и в заключительной картине.

Остается добавить, точнее, напомнить, что творческий стаж Козловского измеряется уже пятью десятилетиями. Случай уникальный! Б. Хайкин справедливо написал в предисловии к программе, что Иван Семенович Козловский доказал недоказуемое: «Тенор на протяжении пятидесяти лет поет труднейший оперный репертуар, не потеряв ни красоты тембра, ни мастерства, ни крайних регистров голоса».

Да, творческая биография великого советского певца — беспрецедентный творческий подвиг. Вот у кого могли бы учиться мастерству во всех звеньях, аспектах и компонентах наши вокалисты!

Участвовавшие в вечере хор, оркестр и солисты Большого театра (дирижер Ф. Мансуров) создали превосходный ансамбль с Козловским. Во втором отделении программы была исполнена «Шопениана», где вновь блеснула своей отточенной техникой балетная труппа ГАБТа. Дирижировал «Шопенианой» А. Жюрайтис.

Ин. ПОПОВ.

„СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА"
г. МОСКВА
8 АПР 1963